

ПРОЗА "ЦИРКА" ОЛИМП

ДМИТРИЙ БОРТНИКОВ ТИХОЕ ЛЕТНЕЕ СУМАСШЕСТВИЕ

1996 № 18

Дмитрию Бортникову двадцать семь лет. Он, что называется, из породы "вечных студентов": учился на очных отделениях в педагогическом институте и университете, в перерывах между учебой где только не работал, служил в армии, а сейчас надеется наконец-то закончить уже заочное отделение филологического факультета самарского университета.

Совсем недавно Дмитрий стал победителем первого регионального конкурса молодых литераторов, проведенного Самарской гуманитарной академией и фондом "Культурная инициатива" при участии "Цирка Олимп", в номинации "проза". В предыдущем номере я уже писал о том, что его имя стало главным открытием конкурса. Теперь же я хочу представить на суд наших читателей, пожалуй, лучший на сегодня рассказ Дмитрия, во всяком случае из тех, что участвовали в конкурсной программе.

С.П.

Взрослая серьезная жизнь бьет в тонкие переборки, заливая кораблик нашей юности.

Три года назад одна девушка сказала: "Что мне осталось - книги, ну и музыка еще. Вот и все." В тот вечер она была в отчаянии.

Нас многое связывало.

Когда-нибудь обязательно заходишь в тупик и дай Бог, если ты один. Нет ничего мучительней очнуться вдвоем в жизненном тупике.

Оказаться на мелководье может любой, или ты вытаскиваешь или вытаскивают тебя. И дальше идешь один. В идеале, конечно. И к черту слова громкие о предательстве; никто никого не может предать, просто не поняли друг друга, не увидели.

Это все было три года назад. Тогда случай забросил мое сильно похудевшее тело к одному сумасшедшему на девятый этаж, на все лето.

Много чего тогда произошло, сегодня я смотрю в то лето с улыбкой. Жаркое оно было, то лето. Я не помню еще такого. Как всегда пророчили неурожай и голод. Когда сытые люди говорят о голоде и неурожаях, в их голосах слышится сладострастие. Таких всегда предостаточно.

Шиза тогда как раз вернулся из Израиля. Помолодел, загоревший и отъевшийся, он стал похож на крота, благополучного и высокомерного. Правда, волос на башке у него не прибавилось. До сих пор для меня загадка, как он умудрялся быть и лысым и лохматым одновременно, а спросить я стеснялся.

Конечно, никакой он не еврей. Деревенский паренек, он закончил в Самаре физмат, отлежал в психушке, а на выходе из нее упал в цепкие лапки одной стареющей еврейке, теперешней своей жене. Шиза острит, я был для нее последним шансом, а тот, кто этого не испытал, считай и не жил. Фаина ласково треплет седенькую поросль на башке Шизы, моет его тельце, правда, в том случае, если сама не в приступе. Она тоже шизофреничка, и дочка, приткая, монгольская лошадка - тоже шизоидна. Только еще не совсем свихнулась. "Ей легче, - говорит Шиза, - детям всегда легче."

То лето прошло под знаком пустоты и вечерних цветов полевых. В основном таких, которые зовутся "сорняки". А что мне оставалось, думаю я теперь, только цветы собирать.

Он вернулся без жены и с долларами. Самая лучшая комбинация для меня, - сказал Шиза, не о чем и мечтать.

Я с удовольствием согласился у него пожить. Теперь при слове "пожить" я усмехаюсь.

Первые дни Шиза выплескивал на меня свои иудейские похождения. Сидишь на балконе в одних плавках, воспаленное солнце малиново тонет, и дыхание Волги и ветерок сквозняком охлаждаются приятно мошонку, проникая сквозь дырочку в потрепанных плавках.

Сидишь и слушаешь, как этот стареющий мальчик путешествовал по незнакомой стране, почти немой, без надежд, полный детской радости в первые дни. Те пляжи, сады, городки и автобусы. Те ночные его маршброски в неоновом празднике чужих улиц в чужих ночах чужих городов... Те крупные влажные цветы ночью, когда он, озверев от воздержания, забивался в какой-нибудь сад и мастурбировал, и его заметил хозяин. То, как они потом разговорились, и этот тип оказался с Ростова и тоже много повидал, и как он угостил Шизу пивом в потной холодной бутылке, и они сидели и пили, пока не упились и не уснули на этих незнакомых вонючих цветах, которые, говорит Шиза, распускаются редко, не всякую ночь. Его ботанические восторги распинали грубо-

ватые, как везде, полисмены. Форменные шнурованные туфли в бока и ребра. Эти небритые парни ржали над Шизой в участке, у него из спортивных штанов исчезли два шекеля и черно-белый снимок дочери в школьной советского образца форме. Они ржут и я тоже, как дурак хочу, только фото Милкино жалко, говорит Шиза и добавляет: "Чтоб у них концы поотваливались - на дочурку мою пусть не друют". Непонятно, куда делся "хозяин с выпивкой", думаю, скорее всего, этот тип забрался в сад с иными, более агрессивными намерениями, чем Шиза. Он набрал, что хотел в доме, пока хозяева на каком-нибудь курорте лечили свои дряхлые внутренности, тут Шиза его и спугнул. Мужик оказался мудрым, он знал, что лучший способ защиты - это нападение, вот и наехал на обалдевшего Шизу. Прекрасный сад, холодное пиво, разговор по душам. Кто на это не покупался? Хотя, наверное, все было и не так, уж слишком красиво, может быть, тот тип вообще неприкаянно бродил по саду, скукая, с кем бы выпить, и вот натывается на рукоблудствующего лысого гражданина. Мне больше нравится первый случай, так я сам и поступил бы. Хорошо бы, думаю, не взяла хваленая иудейская полиция такого дерзкого вора...

А потом у Шизы началось обострение. Обычно это бывает весной и осенью, летом реже, но кто их прогнозирует... Такие же психи, только в серых халатах. Странно, в психушке врачи носили серые одежды.

В это неплановое обострение Шиза влетел, зациклившись на порнографии. Весь пол в трех комнатах был покрыт титками и голыми задницами. Белыми, негритянскими, коричнево блестящими мулатистыми обрубками плоти. В туалете ноги опирались на цветную мордашку с членом во рту.

Шиза вышагивал по комнатам заводным игрушечным луноходом. На мой взгляд, жутковатая игрушка. Идиотская.

Он перестал мыться, говоря, что не чувствует никакого запаха и, хихикая, добавлял, что моются те, кому лень чесаться. Дошло до того, что он перестал выходить из своей комнаты. Мы, как индейцы, орали друг другу через пустое пространство третьей комнаты, я избрал ее нейтрально-карантинной пустыней.

Наступил момент, и он совсем замолчал, зато стал выходить. По ночам жадно жрал что-то, при-

езу у открытого холодильника. Обстановка из нескольких комичной, сразу стала злобещей. Однажды он зашел в комнату, где я читал. Было жарко, я вымыл пол и теперь голым животом ощущал прохладный линолеум, лежа на полу. Его приближение я услышал издали. Босые пятки его прилипали к газетам в прихожей. Незаметно приблизиться он не мог. С ним приходилось быть осторожным. Он вошел, я поднял от книги глаза: Шиза стоял на пороге с кухонным ножом в руке. Я обратил внимание на то, что этот нож самый тупой, им невозможно было порезаться, а уж хлеб он не резал, а мял. Шиза смотрел на меня, я на него, стараясь придать своему взгляду рассеянность и миролюбие. Так смотрят на крупных человекообразных, не стоит их раздражать, но ухо надо держать востро. Шиза был похож на незадачливого злодея с этим ножом в своих сухоньких слабых пальцах. Он был так жалок, что я засмеялся. Его лицевые мышцы, отвыкшие от смеха, ответно растянулись. Мы долго молча ухмылялись друг другу.

- Смотри, как я наточил, - сказал Шиза, протягивая мне нож лезвием вперед. Действительно, он стал, как бритва. Поулыбавшись еще немного, Шиза потащился в карантинную комнату и на всю мощь включил радио. Я запомнил, что в тот момент передавали прогноз погоды. Ничего не менялось.

Несмотря на такое поведение я думал, Шиза разыгрывает комедию, запугивает, но я забыл факт, что сумасшествие начинается с утраты чувства юмора. Свою долю смеха Шиза уже никогда не потратит.

В тот раз его вялотекущая потекла быстрее, пока не смыла к чертям жалкую плотину разума, как у всех нас, состоящую в основном из предрассудков и наносного ила.

Наступило затишье. Мертвый сезон внутри. Видимо, с головой у меня тоже что-то случилось. Какие-то неполадки, нарушения в конструкции корабля, или ошибки в проекте. Я все глубже погружался, все уходило, вещи, предметы, медленно поднимался мир, как стая неведомых птиц, я тупо смотрел ему вслед. Люди ушли еще раньше, оставив после себя пустоту. А я плыл, опустив лицо в себя, как в воду, раскинув руки. Так в детстве играли мы в "мертвое тело".

Я перестал ходить на работу, кончились деньги. Шиза спрятал куда-то свои доллары и забыл, где тайник. Пишущая машинка, которую он купил сразу, как приехал, стояла на кухонном столе, и, когда Шиза или я включали свет, тараканы прятались в нее. Они были совсем как люди. Внутренности этой машинки напоминали прохладное чрево какого-нибудь собора. В свое время на ней я отстучу "Моцарта в автобусе" и по-

